

— Когда события становятся историей, предметом изучения для историка?

— Граница между прошлым и настоящим, или проблема «историзации» прошлого — сегодня одна из наиболее дискутируемых проблем в исторической науке. В советское время было принято четкое разделение всемирного исторического процесса на определенные этапы: Древний мир, Средние века, Новое время, Новейшее время... Человек выходил из школы с четким убеждением, что в 1649 году закончились Средние века. Но ведь для тех людей, которые жили в 1649 году, совершенно ничего не закончилось.

Сейчас нередко заходит спор об относительно недавних событиях, например, девяностых или нулевых годах. Конечно, девяностые годы — это прошлое, но стали ли они историей — открытый вопрос.

Как правило, недавнее прошлое находится больше в поле зрения политологов, нежели историков. Не случайно на Западе установлены довольно четкие сроки рассекречивания архивных документов. Для разных категорий сроки разные, но в среднем для открытия документов действует срок в тридцать пять лет. Очевидно, эти сроки рассекречивания взяты не с потолка и имеют свое обоснование и традицию. Таким образом, признается, что через тридцать пять лет события могут стать предметом исторического изучения. Кто-то может считать, что девяностые годы уже стали предметом, подходящим для изучения историка, так как существуют источники, но мне такая профессиональная позиция не очень близка.

— Кажется, что в истории постоянно меняется картина прошлого. Каким образом происходит развитие истории как науки?

— История как профессиональное знание о прошлом имеет определенную специфику, которую, к сожалению, далеко не всегда правильно понимают. Она связана с тем, что историк занимается изучением прошлого. Но не прошлого вообще, а прошлого людей.

Каждый человек, в той или иной степени, имеет в своем сознании собственную картину прошлого, которая сложилась под влиянием множества факторов: семьи, школы, телевизора, литературы, вероисповедания и многого другого. Это соединение, подчас очень своеобразное, в значительной степени определяет наше отношение к тем или иным явлениям сегодняшнего дня. И когда вдруг человек слышит, что историк говорит: «Все было не так, все было по-другому», то он, естественно, возмущается и говорит: «Эти историки все время только переписывают историю! И что это за наука такая, где все время все меняется?» При этом того же человека не волнуют изменения каких-то позиций в химии или биологии. Но ведь любая наука должна развиваться!

История развивается по тем же законам, что и все остальные науки. Переосмысление происходит тогда, когда появляются новые источники, до этого не изученные. С другой стороны, историк как носитель исторического сознания и человек, принадлежащий своему времени, обращаясь даже к изученным материалам, может видеть в них то, чего не видели его предшественники. Это позволяет ставить по отношению к уже известным источникам новые вопросы. Так и происходит развитие исторического знания ■

Культурная антропология будущего. В Москве прошел Международный симпозиум «Пути России»*

Новая антропология культуры

Конструирование будущего, будущее как продукт культуры были основными темами первого доклада, с которым выступила Ирина Прохорова, главный редактор «Нового литературного обозрения». Темой ее выступления стало описание будущего как культурного проекта и непосредственно связанная с этим проектом проблематика утопического сознания. Проект будущего строится на основании так или иначе сконструированной истории; применительно к России это выражается в давнем споре о том, следует ли включать уникальные российские историю и культуру в мировой (прежде всего, европейский) контекст, или же их необходимо рассматривать строго обособленно. «НЛО» разделяет первую позицию, сотый номер этого издания посвящен поиску параллелей между опытом России и рядом схожих с ней стран, представляющих или недавно представлявших собой так называемые «закрытые общества» (Япония, ЮАР и др.)

В основе этого подхода лежит идея о множественности возможных сценариев модернизации общества — эта идея противопоставляется «глобалистскому» подходу, согласно которому любое общество в своем развитии повторяет путь западноевропейской цивилизации. Однако использование тезиса об уникальности культур как аргумента для оправдания существующих авторитарных режимов воспринимается авторами «НЛО» негативно.

Говорилось также о попытках создания общей истории Европы, которые неоднократно предпринимались в течение последних двадцати лет. Преодоление противоречий, существующих в рамках национальных историй, очевидно, должно укрепить проект экономического, политического и культурного объединения Европы; но после двух мировых войн стало понятно, что написание подобной истории невозможно, если ее субъектами выступают национальные государства. Однако изменения, произошедшие в исторической науке в первой половине XX века и связанные с деятельностью французской школы «Анналов», позволили выдвинуть новый вариант универсальной

истории. На смену крупным нарративам пришла история приватного человека и малых групп.

Объектами исследования этой новой истории стали процессы изживания исторических «травм» (как отдельным человеком, так и определенными группами общества), компенсаторные механизмы, активирующиеся в обществе в кризисных ситуациях, и т.п. В качестве примера компенсаторной реакции приводился тот факт, что многие представители «закрытых обществ» (т.е. тех, в которых определенные группы частично или полностью изолированы от участия в политическом процессе, экономике и т.д.) компенсируют невозможность самореализации в деятельности верой в величие страны, частью которой они являются.

Таким образом, проблематика различных вариантов модернизации «закрытых обществ» связывалась с различными антропологическими факторами. Приватный человек, неформальные группы и институты в рамках данного подхода рассматриваются как ключевой субъект исторического процесса.

Множественная темпоральность

Модернизация сама по себе имеет процессуальный, временный характер. Следовательно, для ее описания требуются категории и языки темпоральности. Этой теме был посвящен доклад Николая Ссорина-Чайкова.

Социальный географ Д. Лоуэнталь писал: «Прошлое — чужая страна: они там все делают по-другому». Перефразируя, можно сказать, что в чужой стране и время другое; путешественник, открывающий для себя новые страны, в каком-то смысле путешествует во времени. Отличие в уровне

Подготовили Роман Гуляев, Владимир Селиверстов, Алексей Плешков, магистранты факультета филологии ГУ–ВШЭ.

* 29–30 января состоялся очередной ежегодный международный симпозиум «Пути России». Этот форум проводится Московской высшей школой социальных и экономических наук начиная с 1993 года. Тема симпозиума этого года — «Будущее как культура» (формулировка темы отсылает к метафоре английского романиста Л.П. Хартли — «прошлое как культура»).

развития одного общества от другого может быть представлено как различие во времени. Отсталость определенной страны в своем развитии может измеряться временными периодами (десятилетиями, веками). Кроме того, разные режимы темпоральности могут сосуществовать и в рамках одного общества.

Проходящая глобализация означает также глобализацию и унификацию времени. Более ранним и более простым примером такой унификации является появление часов и календарей, синхронизировавших время в разных странах. Однако параллельно с усложнением общественной организации происходит дробление времени. Этот феномен, кстати, можно, используя термин социолога Зигмунда Баумана, назвать своеобразной «темпоральной глокализацией».

Настоящее воображаемого будущего

Затем работа симпозиума продолжилась по секциям. Институт гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ – ВШЭ представил секцию с интригующим названием «Настоящее воображаемого будущего». Секция была посвящена рецепции утопических проектов и утопических пространств в современности: какой характер носит наше восприятие утопических проектов прошлого, обломки которых окружают нас сегодня? Секция ИГИТИ не только удачно репрезентирует общую проблематику симпозиума, но также представляет обширный материал исследований.

Открыл секцию доклад Александра Дмитриева (ИГИТИ, «НЛО»), который был посвящен ретроспективному осмыслению планов университетских реформ на материале мемуаров. Докладчик указал на интереснейшую апорию такого рода исследований. Изучая исторические документы, в которых планируется определенное будущее и определенный ход событий, ученый попадает в затруднительное положение: ведь он знает, что этим «планам» не суждено было сбыться. Порой эти несбывшиеся надежды могут бросить свет и на современную ситуацию. Так, например, изучив мемуары реформаторов образования начала XX века (которых, впрочем, история превратила из реформаторов в утопистов), докладчик пришел к выводу, что идея «объективной необходимости» реформы образования в современной России неразрывно связана с неосуществленными в прошлом проектами.

Игорь Нарский (Центр культурно-исторических исследований ЮУрГУ) – посвятил свой доклад семейным реликвиям и фотографиям. Он рассказал о феномене закрепления прошлого и настоящего в качестве послания в будущее. Реликвия – любой предмет, не

имеющий потребительской ценности, но воспринимаемый как «семиофор» (греч. «несущее значение»), – обладает удивительным свойством. Она одновременно и существует, и возникает – только изменяющийся культурный и исторический контекст превращает обычную вещь в живой источник значений. При этом существование реликвий неразрывно связано с проблемой самоидентификации и проблемой «отцов и детей».

Доклад Натальи Самутиной (ИГИТИ) был посвящен кинофильму режиссера Александра Медведкина «Новая Москва» (1938), который был запрещен к показу практически сразу после его завершения. Однако докладчик заинтересовал не этот факт сам по себе, а изменение рецепции утопического проекта перестройки Москвы, которому посвящен фильм. Если советская критика воспринимала этот проект как в принципе возможный для осуществления (в фильме критиковались, прежде всего, недостатки сценария), то современный зритель видит в нем жутковатую утопию (в эстетическом и психологическом смысле), символ насильственной и обезображивающей перестройки города.

Ирина Каспэ (ИГИТИ) в докладе, посвященном творчеству братьев Стругацких, поставила следующий вопрос: «Куда же делось будущее?». Естественно, речь идет о «будущем прошлого», являющимся для нас настоящим. Расширяя понятие «утопия», Ирина Каспэ предложила использовать термин «утопическая образность». Под этим термином понимается совокупность художественных средств и образов, которые создают у реципиента «ощущение утопического». Крайне интересно и противоречие, неразрывно связанное с восприятием утопии. Как отметил докладчик, утопия всегда притягивает психологическим комфортом существования в ней (утопия не нуждается в изменении), но она одновременно и отталкивает необходимостью единомыслия, т.е. невозможностью самореализации. Неизбежное для утопии единомыслие всегда вступает в противоречие с ее универсальностью – это и порождает тот ужас, который характерен для восприятия утопий.

Доклад Татьяны Дашковой (Высшая школа европейских культур РГГУ) был посвящен осмыслению рецепции космоса как «советского» в постсоветском кино о прошлом. Как считает докладчик, космос и сегодня продолжает ассоциироваться у нас с Советским Союзом – ведь именно СССР впервые покорил космос. С другой стороны, космос остается предметом субъективного, эмоционального восприятия, как нечто бесконечно возвышенное и прекрасное. Таким образом, можно сделать вывод, что космос в кино является пространством, где государственное сталкивается с личным. Кроме того, космос в кино является символом неосу-

ществленного идеала, приближением ко всему лучшему, что было достигнуто в СССР.

Ольга Астахова (Институт филологии и истории РГГУ) в своем докладе предложила рассмотреть проблему утопического \ антиутопического в пространстве театра на примере балетов Алексея Ратманского. Речь шла об особых возможностях выражения утопического в современном театре, где способом этого выражения является не только музыка и хореография, но и декорации, и даже костюм.

Тема исторических памятников Москвы была затронута Борисом Степановым (ИГИТИ). Его доклад «Память об утопии: Царицыно между долгостроем и форс-мажором», стал попыткой осмысления почти двухсотлетнего существования Царицыно как руин. Собственно такое «руинное» существование было характерно для Царицыно на протяжении почти всей его истории. Именно это создавало некий таинственный ореол, окружавший это место. Нет ничего удивительного в том, что последние десятилетия Царицыно стало ме-

стом прибежища различных молодежных субкультур (толкиенисты, готы и т.п.), что лишь подтверждает его статус утопии (т.е. того, что не находит места в реальности).

Завершающий доклад Александра Филиппова (ЦФС ИГИТИ) был посвящен истории и социологии Манежной площади. По мнению докладчика, говорить о длительной истории Манежной площади невозможно, поскольку даже в 1960–1970-х годах никакой площади как организованного городского пространства здесь попросту не существовало. Само создание Манежной площади в ее современном облике является своеобразной загадкой, поскольку в реализованном варианте даже в малой мере не угадывается ни один из проектов архитекторов, предлагавших разные варианты «заполнения» этого огромного пространства. Как считает А. Филиппов, Манежная площадь обречена на существование в качестве пустого (в социологическом смысле слова) пространства ■